

От редакции. Помещаемая ниже статья органически вписывается в начатую в журнале (с № 2, 2014) серию статей, посвященных Всероссийской научно-практической конференции «Общество и социология в современной России», которая состоится в ноябре 2014 года в г. Вологде. Автор публикации академик М.К. Горшков – известный российский социолог, разработчик теории и методов социологического изучения состояния массового сознания, структуры российской идентичности, социальных типов граждан в постсоветской России. С 2005 года он является директором Института социологии РАН, главным редактором журналов «Социологическая наука и социальная практика» и «Вестник Института социологии РАН». Под его руководством в последние годы издан фундаментальный труд «О чем мечтают россияне: идеал и реальность» (2013), вышли в свет новые выпуски ежегодников «Россия реформирующаяся». М.К. Горшков – часто публикуемый автор в ведущих изданиях российских СМИ. Редакция выражает искреннюю признательность Михаилу Константиновичу за актуальный материал, предоставленный журналу.

УДК 310.422, ББК 60.561.2

© Горшков М.К.

Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост

**Михаил Константинович
ГОРШКОВ**

академик РАН, доктор философских наук, директор, Институт социологии РАН (117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, director@isras.ru)

Аннотация. В статье обращается внимание на роль неэкономических факторов в разработке новых моделей экономического роста. Перечислены ключевые аксиоматические положения, определяющие основы взаимодействия социальной науки с обществом и властью. Рассмотрены итоги двадцатилетия реформ в России и их влияние на формирование общественного сознания. Анализируется роль государства и задачи социальной политики на современном этапе развития российского общества.

Ключевые слова: общество, факторы социально-экономического развития, человеческий капитал, социальная политика.

Мировой опыт и практики российских трансформаций убедительно свидетельствуют, что основу системы общественных отношений и взаимосвязей составляет свод объективных и проверенных временем правил, которые не требуют особых подтверждений или проверок. Подобные, по сути дела, аксиоматические, положения определяют роль и место научного знания в системе управления обществом, предостанавливают принципы и нормы взаимодействия социальной науки с обществом и властью.

Обращаясь к теме неэкономических факторов экономического роста, с учетом анализа результатов многолетних социологических исследований мониторингового типа, попробуем сформулировать несколько подобного рода аксиом, которые, согласно классической трактовке, не нуждаются в доказательствах. Более того, сами являются фундаментальным основанием для дальнейшей разработки новых научных положений.

Сказанное имеет самое прямое отношение к такой чрезвычайно актуальной проблеме современной общественной науки, как проблема воздействия разнообразных факторов на темпы и устойчивость социально-экономического развития общества, на его модернизацию и консолидацию. Надо заметить, что особый интерес к ней стал проявляться со второй половины XX столетия, на волне характерного для того времени подъема мировой экономики. Тогда же утверждается понимание того, что *основными детерминантами экономического роста* являются не только *валовое накопление* и *научно-технический прогресс*, но и *человеческий капитал*.

Что лежало в основе подобного понимания? А то, что многочисленные исследования ключевых источников экономического развития не смогли подтвердить тезис о решающей (и, тем более, исклю-

чительной) роли в этом процессе накоплений «физического капитала» — средств производства и произведенных продуктов, участвующих в производстве товаров и услуг. Отсюда **аксиома первая**. Ее можно сформулировать следующим образом:

Усложнение структуры общественного воспроизводства требует разработки новых моделей экономического роста, учитывающих влияние на него таких неэкономических ресурсов, как информация, физико-географические условия, институциональные структуры, массовидные духовно-психологические образования, качественный и производительный труд, качество жизни, уровень культуры, образования, профессиональных знаний и навыков, состояния здоровья как компонентов человеческого капитала, на деле доказавших свою способность быть «мотиваторами» долгосрочного и стабильного экономического развития.

Глобальный экономический кризис 2008–2009 гг., последствия которого мировая экономика продолжает ощущать на себе и сегодня, его проявления на уровне национальных экономик в еще большей степени продемонстрировали *значимость неэкономических факторов в системе антикризисных мер и возможностей восстановления хозяйственного роста*. При этом внимание научной общественности в еще большей степени стало проявляться к изучению особенностей взаимосвязи, существующей между экономическими и неэкономическими составляющими роста национальных экономик, к разработке направлений и способов регулирования и использования неэкономических факторов.

С учетом этого вполне уместно сформулировать **вторую аксиому: основным императивом, лежащим в основе новых моделей экономического роста, является гуманизация экономики, означающая приоритет человеческой личности в системе факторов и целей экономического развития.**

Подобная постановка вопроса не случайна, ибо сама сущность развития определяется ориентированностью на человека, на человеческий потенциал как основное богатство любого общества, а базовой целью экономического роста страны признается увеличение объемов производства благ и услуг и обеспечения на этой основе более высокого уровня жизни.

Проблема поиска адекватной национальной особенностям модели экономического роста и путей дальнейшего экономического развития особенно актуальна для современной России, экономика которой долгое время обеспечивала указанный рост преимущественно за счет экстенсивных факторов. Кризис недавних лет со всей определенностью показал, что *российское общество находится на новом витке, по сути — на переломе социально-экономического развития.*

Практически исчерпав возможности прежней модели роста экономики, пореформенная Россия столкнулась с необходимостью более интенсивного использования всех ресурсов и всех резервов производительности труда. И тому есть вполне убедительные объяснения, поскольку и цели социально-экономического развития страны, и его условия выглядят сегодня совсем не так, как они выглядели пятнадцать лет назад — после кризиса 1998 г. Основной задачей текущего периода является не решение проблем трансформационного спада, как это было на исходе XX века, а выход на траекторию устойчивого и сбалансированного роста в целях модернизации социума, перехода к инновационной стадии экономического развития и создания соответствующей ей инфраструктуры постиндустриального общества.

Именно поэтому в «Итоговом докладе о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020

года» отмечается, что ближайшее развитие РФ должно исходить из двух взаимосвязанных между собой оснований — *новой модели экономического роста и новой социальной политики.*

Вместе с тем, в условиях российских реалий существует явная несогласованность между темпами экономического роста и качественными характеристиками социального развития. При этом признание необходимости реализации гуманистического подхода экономического развития (а без этого не обходится сегодня ни одна широковещательная статусная речь многих государственных деятелей) сопровождается отсутствием отвечающих современным требованиям методик его выявления и анализа.

А ведь оценка темпов экономического роста при отсутствии показателей его гуманизации лишает смысла экономическое развитие, ибо рост экономики, который не влечет за собой повышение уровня и качества жизни человека, противоречит своей главной цели — обеспечению благосостояния для всех людей, условий для их самоутверждения и самореализации. Тем самым, появляется необходимость сформулировать еще одно аксиоматическое положение, т.е. **аксиому третью: для истинного, всестороннего и углубленного познания экономики, происходящих в ней процессов и определения ее перспектив необходимо приложение не только собственно экономических, но и социологических, социально-философских, этических, эстетических категорий.** Речь идет о категориях, позволяющих представить экономику в аспекте общечеловеческих, фундаментальных ценностей и антиценностей, образующих «хребет» человеческой жизни: добра и зла, справедливости и несправедливости, любви и ненависти, истины и лжи, свободы и зависимости. Именно от этих ценностей и антиценностей, их соотношения зависят прогресс или деградация жизни общества.

Отсюда — аксиома четвертая: успехи модернизации российского общества зависят не только от усилий экономического и научно-технического характера, но и от оздоровления социальной среды в целом. В социальной системе под названием «общество» экономика, как ее подсистема, неотделима от государственного устройства, политики, духовного развития, а идейное и нравственное состояние людей не может не влиять на их экономическое поведение.

Можно продолжить: не менее важны для достижения намечаемых целей сплоченность общества, уверенность людей в справедливости и жизнеспособности общественного строя, доверие к лидерам государства. Иными словами, речь идет о том, что называют *социальным капиталом*, наращивание которого, как и наращивание капитала человеческого, все в большей степени признается залогом успеха любых экономических начинаний.

Безусловно, одно из основных условий пореформенного подъема российской экономики — это определение наиболее эффективной модели управления социально-экономическими процессами. Причем, как сегодня очевидно, модели, сочетающей сильные стороны рыночной и плановой экономики. Выбор такой модели носит не только экономический, но и ярко выраженный политико-идеологический, а значит, стратегический характер. Тем самым, можно считать аксиоматичным следующее утверждение (**и это будет аксиома пятая**): **любые крупномасштабные изменения, трансформации общества неразрывно связаны с господствующей в данных исторических условиях идеологией, передовыми идеями, способными стать движущей силой не только модернизационного прорыва, но и социально-экономического, технологического и духовно-нравственного прогресса страны.**

Российские рыночные и демократиче-

ские реформы, стартовавшие после распада СССР, осуществлялись на идейной основе, заимствованной из арсенала западной теоретической мысли. Жизнь доказала ее неадекватность постсоветским реалиям. Указанная неадекватность подтверждается и последствиями глобального экономического кризиса, положившего начало переосмыслению неолиберальных воззрений, в том числе и на Западе. Как отмечают известные западные экономисты, «рыночный фундаментализм...последних 20 лет драматически провалил экзамен»¹, как следствие, «...мир наблюдает за восходом нового экономического гибрида, который мог бы быть назван «государственный капитализм»².

На современное государство (не только у нас, но и в относительно благополучных в социальном смысле западных обществах) ложатся ответственные функции предотвращения и нивелирования провалов рыночных механизмов. А в пореформенной России решение целого ряда неотложных задач просто немыслимо без государственного участия.

Таковыми можно считать: преодоление опасного имущественного расслоения населения, разорительной инфляции, масштабной утечки капиталов и умов за рубеж, экономически необоснованной и несправедливой оплаты труда работников многих профессий, обеспечение расцвета культуры, науки, образования, здравоохранения. К этому следует добавить борьбу с разгулом преступности и коррупции, сокращение безработицы, защиту интересов, прав и свобод всех граждан.

Социальные функции государства должны занимать все более важное место в идеологии, обосновывающей политику и поддержание гражданского мира.

¹ The Global Economic Crisis: System Failures and Multilateral Remedies. UN, New York, 2009, p. III.

² The Economist. 2010, January 23rd-29th, p. 22.

В этом отношении весьма показательна констатация доклада Международного Валютного Фонда «Мировой социально-экономический обзор», в котором говорится: «Главный урок посткоммунистической трансформации определенно заключается в том, что государственные институты имеют критическую важность. Рынок без сильного государства приводит к замене безответственной государственной власти нерегулируемым частным обогащением, ведущим к экономическому и социальному упадку»³. Тем самым, вопрос вопросов состоит не в том, сколько — много или мало — должно быть государства в обществе в целом и в экономике в частности, а в обеспечении *качества государственного участия* в управлении экономической и социальной сферами.

Пореформенной России предстоит извлечь уроки из двух десятилетий рыночных преобразований: в политике и общественном сознании должно утвердиться понимание того, к какому обществу, переживая системные трансформации, идет страна. Между тем в настоящее время содержание конституционного определения России как социального государства остается неясным, а соображения науки на этот счет не находят официального закрепления. В результате население лишено важнейшего ориентира, а именно понимания того, *к какому общественному устройству страна придет в результате проводимых реформ и что это даст народу*. Подобное положение дел позволяет сформулировать **аксиому б: отсутствие в обществе понимания конечных целей преобразований, отсутствие идеи, придающей духовную силу народу, является, по сути, не менее существенной преградой на пути модернизации страны, чем научно-техническое отставание.**

³ World Economic Outlook Supporting Studies IMF. 2010, p. 35.

Признание приведенной аксиомы ведет нас к еще одному аксиоматическому утверждению. И это будет **аксиома 7: на системный прорыв в экономическом развитии можно рассчитывать лишь тогда, когда практическая реализация провозглашенного государством курса будет приносить населению ощутимые плоды, укреплять в массовом сознании уверенность в успехе преобразований.**

Усиливающаяся острота как «наследственных» (1990-е годы), так и уже приобретенных новых проблем привела к тому, что социально-экономические результаты второго десятилетия реформ, кардинально изменившие в лучшую сторону состояние массового сознания, тональность социальных умонастроений, в значительной мере исчерпали свое позитивное социально-психологическое воздействие на общество. «Маятник» социального самочувствия от отметки «плюс» качнулся в сторону нулевой отметки, и его дальнейшее движение в нежелательном направлении сдерживается в настоящее время лишь относительно приемлемым для населения уровнем экономической и политической стабильности, возрождением и укреплением международного авторитета РФ, воссоединением России и Крыма.

При этом сложилась довольно редкая общественная ситуация, можно сказать, «эффект ножниц», когда *при возросшей удовлетворенности большинства населения своей материальной обеспеченностью в массовом сознании нарастают критические оценки имеющейся в стране ситуации*. И дело здесь вовсе не в массовых реакциях на те или иные действия несистемной оппозиции и на политику федеральных структур, а в исчерпывании позитивного психоэмоционального настроения, который был характерен для основных слоев населения в период широкой поддержки эффективных политических и эффективных

социально-экономических мероприятий властей. Основная причина этого состоит в том, что рост материальной обеспеченности не улучшает качество жизни людей.

Истощение позитивно направленного волевого и социально-психологического ресурса в обществе все с большей очевидностью замещается ростом распространённости в массовом сознании чувства несправедливости происходящего, стыда за масштабы коррупции, засилье бюрократии, чувства собственной беспомощности повлиять на происходящее. Естественным следствием этого выступает нарастание среди наших сограждан чувства агрессии.

«Очаги» неблагоприятного морально-психологического климата в обществе подпитывает значительная доля тех (40%), кто считает, что отличается низким уровнем жизни и не может рассчитывать на социальные гарантии по болезни, старости, безработице и инвалидности. Не случайно среди основных потерь, которые лично им принесли реформы постсоветского периода, в первую очередь называется утрата уверенности в завтрашнем дне.

Обобщением россиянами своей личной ситуации в пореформенной России выступает их оценка собственного выигрыша или проигрыша от реформ двух последних десятилетий. Доля считающих себя выигравшими от них очень мала – всего 10%, и в два с половиной раза меньше, чем доля считающих себя явно проигравшими (25%). Ещё треть осталась, что называется, «при своих» – не выиграла и не проиграла.

Быстрый рост социальных притязаний наших сограждан, обусловленный резкой социальной дифференциацией и социальными неравенствами, охватывающими все сферы жизни людей, во многом сводит «на нет» достижения последних лет, так как разрыв между реальным и желаемым статусом для большинства населения не только сохраняется, но и нарастает.

Самооценки россиянами своих достижений в различных сферах жизни говорят о том, что у них относительно больше шансов достичь успехов на микроуровне – в семье, сфере дружеского общения, досуговой сфере. Гораздо хуже ситуация складывается с тем, что связано с местом россиян в макросоциуме: такие достижения, как престижная работа, карьера, наличие собственного бизнеса, характеризуют лишь небольшую часть наших сограждан, хотя значимость их в системе ценностей населения страны постоянно растёт.

Ухудшение социального самочувствия многих наших сограждан обусловлено в значительной степени и сужением каналов социальной мобильности. Возможности самостоятельно, за счёт смены места жительства, улучшить своё положение в обществе у россиян сегодня практически отсутствуют. Редкие исключения характерны, прежде всего, для части горожан, переехавших в сёла, а также горожан из крупных городов, которые переезжают в города с меньшей численностью населения.

Межпоселенческая мобильность в разной степени характерна для разных поколений россиян, и, как правило, переезды в другой населённый пункт совершаются в возрасте до 30 лет. Однако нынешняя молодёжь, хотя и демонстрирует высокие показатели мобильности (13% переехавших на нынешнее место жительства за последнее десятилетие в группе до 30 лет), всё же уступает в этом смысле возрастным группам старше 40–45 лет в период их молодости. Это говорит о недоиспользованности потенциала мобильности российской молодёжи и сомнительности идеи о необходимости массового импорта в Россию рабочей силы из-за рубежа в условиях, когда *в стране есть огромный внутренний ресурс перераспределения и без того имеющейся в ней рабочей силы.*

Уже после опыта первых реформ и по сей день подавляющее большинство россиян настаивало и продолжает настаивать на том, что роль государства должна быть ключевой как в экономической, так и в социальной сфере. При этом ни либеральные модели социальной политики, предполагающие минимальное вмешательство государства в социальную сферу; ни исключительно свободная рыночная экономика, в которой всё зависит от частных акторов, общественной поддержки не получают. В социальной сфере как оптимальная в представлениях населения в последние годы преобладает модель, при которой *государство обеспечивает всем определённый минимум, а остального каждый добивается сам.*

Что же касается оптимальной экономической модели страны, то, по мнению россиян, в ее основе должна лежать *смешанная экономика с ведущим государственным сектором (табл. 1).*

Это означает, что все стратегические отрасли экономики должны находиться в «руках» государства, а частное управление теми или иными организациями – обязательно совмещаться с государственным контролем за ними. Если апеллировать к известному историческому периоду, то модель, к которой проявляют тягу современные россияне, по сути своей, напоминает ленинский НЭП, на языке экономистов – модель государственного капитализма.

Несмотря на немалые усилия государства по выправлению ситуации в социальной сфере, действия властей на этом поприще оцениваются населением весьма сдержанно. Наряду с известными изъянами и упущениями, это определяется еще и тем, что само понятие социальной политики *по-прежнему не только для экспертов, но и для широких масс неопределенно и дискуссионно, а границы ее возможностей и ответственности не очерчены ни в государственно-политическом, ни в общественном плане. Нерешенной остается и другая, принципиально важная проблема: выбор адекватных состоянию пореформенного российского общества социальных ориентиров.*

С точки зрения стратегии социально-экономического развития *мировой опыт дает несколько подходов к разработке социальной политики, среди которых два основных – американский и европейский (рейнский).* Различия между ними опосредуются влиянием многих факторов, и прежде всего уровнем экономического развития, особенностями государственного устройства и структур гражданского общества, историко-культурными традициями и т.п. После распада СССР, в начале 1990-х годов, в сложной ситуации перехода от патернализма в решении социальных проблем к некоей новой парадигме, имеющей в своей основе рыночные механизмы распределения, *ельцинский режим власти*

Таблица 1. Тип государства по отношению к экономике, в наибольшей степени отвечающий интересам России, %

Тип государства	
Государство, которое полностью восстановит централизованное регулирование экономики, контроль над ценами	28
Государство, которое своё вмешательство в экономику сведёт к минимуму, предоставив максимальную свободу частной инициативе	9
Государство, которое восстановит государственный сектор экономики, одновременно расширив частные экономические и политические возможности граждан	41
Тип государства не имеет значения; стране нужен лидер, который возьмёт на себя всю ответственность за происходящее в России и будет проводить решительную политику	22

взял на вооружение американскую модель социального развития. Подобная модель в наименьшей степени соответствовала качественно новым условиям социально-экономического развития постсоветского общества и ментальным особенностям россиян. Причиной тому — ее базовые характеристики и установки:

- минимальное вмешательство государства в экономическую жизнь при одновременном снижении значимости решения социальных проблем;
- исключение бедности из числа ключевых проблем, решение которых требует вмешательства механизмов государственной политики;
- стремление государства, переходящее в стратегию экономического поведения граждан быстро «делать деньги», «сколачивать» состояния;
- абсолютизация принципа: облагать богатых сверхналогами — значит ослаблять инвестиции, а давать больше денег беднякам — значит уменьшать их стимулы к работе.

Последствия применения американской модели оказались плачевными и ощущаются россиянами даже спустя два десятилетия. Глубокая социальная дифференциация, возникновение социальных неравенств во всех сферах жизни общества, падение гражданской активности населения, неумная склонность к потребительству, разгул преступности — таковы лишь некоторые отрицательные социальные «исходы» обращения к американской модели, принявшие в России и огромные масштабы, и наиболее болезненные формы.

Можно лишь сожалеть, что *российские реформаторы 1990-х гг. отвергли другую — более подходящую с учетом истории нашей страны, менталитета россиян — модель социальной политики. Речь идет о европейской модели, характеризующейся экспертами как «капитализм с человеческим лицом».*

Приверженцами именно такой модели являются Германия, Швейцария, Нидерланды, Швеция, а также отчасти Япония.

В отличие от американской европейская модель уделяет социальным проблемам значительно больше внимания. Приоритет отдается не частным, а общественным интересам, во главу угла ставятся механизмы социального партнерства. Истинным богатством страны считаются квалифицированные работники, рассматриваемые как движущая сила производства, «локомотив» модернизации экономики.

Если американская модель ориентирована на почти полное освобождение рынка от экономических и политических ограничений, то европейская модель предусматривает механизмы «встроенности» рынка в систему государственного управления. Большое значение придается в ней уравниванию «социально опасных» тенденций капитализма, которые ведут к монополизации и массовому неравенству.

Ключевой проблемой социальной политики России является не столько объем ресурсов, направляемых на решение актуальных социальных задач, сколько целевой характер и эффективность осуществляемых мер.

В данном контексте выделяются четыре возможные функции или «сверхзадачи» социальной политики, прямо влияющие на выбор целей, методов и приоритетов ее реализации:

- *обеспечение социально-политической стабильности;*
- *адресная помощь малоимущим (гуманитарная функция социальной политики);*
- *обеспечение конкурентоспособности страны на международной арене;*
- *обеспечение интеграции общества, его внутренней солидарности и единства.*

Если в качестве доминирующей функции социальной политики выступает *обеспечение стабильности*, то ресурсы направляются в первую очередь тем слоям насе-

ния, от которых можно ожидать реальных протестных действий или поддержки таких действий, организованных оппозиционными структурами. В свою очередь, избрание в качестве сверхзадачи *гуманитарной миссии* влечет за собой повышение адресности социальной помощи и преимущественное внимание к наименее обеспеченным группам (что постоянно декларируется, но пока не реализуется на практике).

Если же исходить из часто повторяемого тезиса о том, что в современном мире социальная политика является *мощным инструментом повышения качества человеческого капитала страны*, обеспечения ее конкурентоспособности на международной арене, то приоритетом становятся инвестиции в человеческий капитал – самое главное, в качественное образование и медицинское обслуживание, доступность которых давно являются в РФ камнем «социального преткновения».

Наконец, если речь идет о *социальной интеграции и консолидации нации*, то государству необходимо уяснить, что именно общество (или, по крайней мере, его большинство) понимает под социально справедливыми и социально несправедливыми неравенствами, а затем соответствующим образом выстраивать социальную политику.

Естественно, для реализации различных моделей социальной политики нужны *разные типы ресурсов, разные их объемы и методы использования*.

Российская ситуация с разработкой адекватной ожиданиям россиян социальной политики осложняется тем, что среди представлений властных структур о взглядах

населения на оптимальную модель социальной политики доминируют скорее мифы, чем знание реальных ожиданий разных групп населения в этой области.

А между тем, результаты многочисленных социологических исследований демонстрируют, что большинство россиян возлагало и возлагает ответственность за происходящее в социальной сфере жизни общества, главным образом, на государство. При этом важно понимать: *для наших людей вопрос участия госструктур в решении социальных проблем заключается не в прямом их урегулировании силами и средствами высшей государственной власти, а в установлении данной властью определенных «правил игры» и в контроле за их соблюдением.*

Имеющиеся данные (табл. 2) позволяют утверждать, что представления большинства россиян об оптимальной модели государственного управления в социальной сфере можно выразить в двух определениях:

1. *Государство должно обеспечить всем определённый минимум, а остального каждый должен добиваться сам.* В настоящий момент такую точку зрения разделяют 45% населения, представляющего самые разные социально-профессиональные и демографические группы.

2. *Государство должно обеспечить полное (имущественное, правовое, политическое) равенство всех граждан.* Данную позицию разделяет 41% наших сограждан, в составе которых, прежде всего, лица пожилого возраста, жители ПГТ, имеющие основные доходы от государственных трансфертов, а также неработающие пенсионеры и рабочие низкой квалификации.

Таблица 2. Представления россиян о роли государства в социальной сфере, %

Государство не должно вмешиваться в жизнь граждан, каждый рассчитывает только на себя	2
Государство должно помогать только слабым и беспомощным	12
Государство должно обеспечить всем гражданам определённый минимум, а кто хочет получить больше, должен добиваться этого сам	45
Государство должно обеспечить полное равенство всех граждан (имущественное, правовое, политическое)	41

Вместе с тем, существует ясность и в вопросе о том, какие модели социальной защиты, в том числе с участием государства, являются для наших сограждан наиболее предпочтительными. Так, *лишь незначительная доля респондентов (всего 6%) исходит из того, что социальная защита должна осуществляться в основном по линии предприятия или люди обязаны решать свои проблемы сами, а не надеяться на государство (табл. 3).*

Идея справедливости всегда была одной из ключевых в российской социокультурной модели. И в настоящее время она занимает очень важное место в мечтах населения о будущем страны. При выборе лозунгов, которые в наибольшей степени могли бы выразить личную мечту россиян об этом будущем, наибольшее количество сторонников получили лозунги, вобравшие в себя такие составляющие, как *социальная справедливость, равные права для всех, сильное государство, заботящееся о своих гражданах.* Именно такой синтез идей поддерживается более чем половиной населения, в то время как остальные варианты значительно от него отстают.

При этом *мечта россиян о жизни в справедливом и разумно организованном обществе (входящая в тройку их основных сегодняшних мечтаний!) тесно связана с мечтой об обеспечении прав человека, демократии и свободе самовыражения, а также с идеей сильной*

*власти, способной обеспечить порядок в стране*⁴. Все это демонстрирует примечательную связку «*власть – справедливость*», существующую в сознании наших сограждан: *те, кто хотел бы жить в справедливом обществе, видят основным актором обеспечения и гарантии этой справедливости именно государство.*

Как показывают данные социологических опросов, смысловое наполнение столь важной для россиян идеи социальной справедливости может быть разным. Что именно представляется россиянам справедливым, а что несправедливым при оценке ими сложившейся в стране ситуации?

Ярко выраженным негативным индикатором является тот факт, что *в настоящее время подавляющее большинство россиян считает слишком большими существующие различия в доходах (83%).* Наряду с этим *две трети наших сограждан полагают несправедливой сложившуюся в стране систему распределения частной собственности, и аналогичная доля населения уверена в том, что люди не получают достойного вознаграждения за свои трудовые навыки, способности и квалификацию.* При этом *более половины россиян (54%) последнее утверждение относят и к себе лично,* полагая, что, с учетом имеющейся у них квалификации и тяжести их труда, они получают на работе значительно меньше, чем того заслуживают⁵.

Таблица 3. Представления россиян о моделях социальной защиты граждан, %

Государство должно обеспечивать только нетрудоспособных (престарелых, инвалидов, сирот)	12
Государство должно оказывать адресную помощь и некоторым другим группам населения, попавшим в трудное положение (безработным, бедным семьям с детьми)	32
Государство должно защищать всех малоимущих	50
Социальная защита должна осуществляться в основном по линии предприятия	2
Люди должны сами решать свои проблемы, а не надеяться на государство	4

⁴ О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. — М.: Весь Мир, 2013. — С. 311-324.

⁵ Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова и Н.Е. Тихоновой. — М.: Весь Мир, 2014. — С. 277-295.

Таким образом, россияне крайне болезненно воспринимают чрезмерную дифференциацию доходов и неравенства в распределении частной собственности, которые представляются им несправедливыми. При этом важно отметить, что *существующие сегодня в России социальные неравенства кажутся несправедливыми всем слоям населения независимо от их уровня жизни и динамики их личного благополучия. Как следствие, можно утверждать: оценивая текущую ситуацию с точки зрения ее справедливости или несправедливости, россияне руководствуются скорее представлениями о должном, справедливом для общества, нежели своими личными интересами, и такое представление о должном свидетельствует об особой нормативно-ценностной модели, не просто существующей в стране, но и оказывающей свое, порой незримое, влияние на реакции населения в ответ на те или иные действия властей.*

То, что социальные ожидания большинства наших сограждан в значительной степени связаны именно с государством, объясняется особенностями социальной структуры пореформенного российского общества (табл. 4). В ней продолжают сохраняться *весьма серьезные по своей численности доли «социально слабых» групп, фактически неконкурентоспособных на современном рынке труда, которые для поддержания сколько-нибудь приемлемого уровня жизни могут рассчитывать только на помощь государства.*

И такая ситуация будет сохраняться еще долгое время.

Ядро российской нормативно-ценностной системы — это социальная забота государства. Отсюда, **аксиома 8: готовность государства к социальной заботе о гражданах страны, по сути дела, — основа всей системы отношений в российском обществе, основа легитимности власти государства и встречной готовности граждан выполнять требования власти.** В рамках такой модели отношений социальная функция государства всегда будет доминировать над экономической, поскольку подобный симбиоз строится на ответственности сильного (государства) за слабого (отдельного человека).

С одной стороны, доминирующая в сознании россиян социокультурная модель исключает реализацию в России неолиберальной социальной политики и выполнение государством в качестве ее сверхзадачи исключительно «адресной помощи» наиболее нуждающимся с одновременным снятием с себя ответственности за всех остальных.

Но, с другой стороны, она органично сочетается с идеей социального государства, провозглашенной в Конституции РФ и получившей наиболее полное и многообразное развитие именно в Европе.

Вместе с тем в массовом сознании россиян еще недостаточно закрепилось понимание того, что реализация идей социального государства ничего общего не имеет с филантропией и поощрением

Таблица 4. Численность основных слоев и страт российского общества, %*

Слои и страты	
Бедствующие	7
Малообеспеченные	48
Среднеобеспеченные	23
Обеспеченные	19
Высокообеспеченные	3
* Подробнее см.: Тихонова Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность. – М.: Новый хронограф, 2014.	

иждивенческих умонастроений. Ведь *социальным* государство называется именно в силу того, что рассматривает *экономическую эффективность не в качестве самоцели, а как одно из средств для удовлетворения материальных и духовных потребностей граждан.*

Поэтому главная задача социальной политики такого государства состоит вовсе не в раздаче благ, а в обеспечении условий

для свободной самодеятельности индивидов, способных создавать эти блага и самостоятельно позаботиться о себе и своих близких. Создать условия для того, чтобы каждый имел возможность получить образование, профессию, рабочее место, а также стимулировать сбережения и стремление обзавестись собственностью, — это и есть важнейшие направления политики социального государства.

Gorshkov M.K.

On the axiomatic interpretation of the economic factors' impact on economic growth

Mikhail Konstantinovich Gorshkov – Academician, Doctor of Philosophy, Director of the Institute of Sociology of RAS (24/3511, building 5, Krzhizhanovsky Street, Moscow, 117218, Russia, director@isras.ru)

Abstract. The article draws attention to the role of non-economic factors in the development of new models of economic growth. It indicates key axiomatic statements defining the basis for interaction of social science with the society and state. The study considers the results of twenty year reforms in Russia and their impact on the formation of public consciousness. It analyzes the role of the government and problems of social policy at the present stage of the Russian society development.

Key words: society, socio-economic development factors, human capital, social policy.